О наших экономических задачах

Мы живем в период кардинальных перемен в экономической жизни всего мира. Никогда еще столь быстро не обновлялись технологии. Многое из того, что нас сегодня привычно окружает, казалось фантастикой лет 15–20 назад. Никогда не была столь острой борьба за лидерство в глобальной конкуренции, и мы видим, как страны, позиции которых еще вчера казались незыблемыми, начинают уступать тем, к которым еще недавно относились со снисходительным пренебрежением. Никогда люди не сталкивались со столь огромными рисками техногенных катастроф, никогда не были столь серьезными угрозы природной среде. Но и возможности человечества никогда не были столь велики. Выигрывает тот, кто полнее других использует новые возможности.

В подобных обстоятельствах важно обеспечивать стабильное поступательное развитие нашей экономики, максимальную защищенность наших граждан от ударов кризисов и вместе с тем неуклонное и быстрое обновление всех аспектов хозяйственной жизни — от материально-технической базы до подходов к экономической политике государства.

Место России в глобальном разделении труда

После развала советского блока Россия должна была вписываться в глобальное разделение труда, где основные центры силы и пропорции сложились без нее — больше того, сложились в противостоянии с СССР. Рынки развитых стран оказались огорожены множеством барьеров, возведенных для защиты собственных интересов. Дополнительной проблемой для интеграции в мировую экономику оказалась разница технологических стандартов.

В этих условиях мы смогли тем не менее построить экономику, которая стала органичной частью мировой. Смогли сделать это в основном за счет наших природных ресурсов. Больше четверти ВВП России — это результат продажи на мировом рынке газа, нефти, металлов, леса, других сырьевых продуктов или продуктов первого передела.

Сегодня Россия зависит от мировой экономики, интегрирована в нее очень сильно — сильнее, чем большинство других стран.

Общим местом стала констатация сырьевого характера экономики. Советский народно-хозяйственный комплекс, аутаркический и замкнутый, был просто не приспособлен к работе в новых условиях. В процессе рыночной, в значительной степени стихийной трансформации выживали наиболее ликвидные отрасли, связанные с экспортом необработанного сырья и полуфабрикатов. Фактически мы пережили масштабную деиндустриализацию. Потерю качества и тотальное упрощение структуры производства. Отсюда крайне высокая зависимость от импорта потребительских товаров, технологий и сложной продукции; от колебания цен на основные экспортные товары — то есть от факторов, которые мы, по большому счету, не контролируем.

Иметь экономику, которая не гарантирует нам ни стабильности, ни суверенитета, ни достойного благосостояния, — для России недопустимо. Нам нужна новая экономика, с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной технологической базе. Нам необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики, найти и привлечь необходимые для нее огромные материальные и кадровые ресурсы.

При этом в диверсификации экономики мы не можем рассчитывать на протекционистские меры. И не потому, что вступили во Всемирную торговую организацию. Мы вступили туда именно потому, что имеем экономику, сильно зависимую от внешнего рынка и в производстве, и в потреблении. Но высокие импортные пошлины оплачивают наши граждане и наши предприятия. Чрезмерный протекционизм всегда приводит к застою, низкому качеству и высоким ценам.

Преодолеть технологическое отставание

Надо искать решения, которые позволили бы нам преодолеть складывающуюся односторонюю технологическую зависимость.

Разумеется, сейчас никто не будет повторять опыт Советского Союза, который в условиях противостояния с Западом сформировал полностью автономную технологическую базу. В итоге основная часть «оригинальных» технологий в условиях изоляции отстала от конкурентов, что выяснилось, как только упал железный занавес.

Конечно, мы имеем в виду другой сценарий. Россия обязана занять максимально значительное место в международном разделении труда не только как поставщик сырья и энергоносителей, но и как владелица постоянно обновляющихся передовых технологий как минимум в нескольких секторах. Иначе будем постоянно терять ресурсы, выплачивая их за новые, все более сложные и дорогие технологии промышленных товаров, материалов и медицинских препаратов, которые не умеем создавать сами. При этом доля мирового валового продукта, принадлежащая таким технологиям, будет расти, а сырьевых товаров и традиционных услуг – сокращаться.

Для возвращения технологического лидерства нам нужно тщательно выбрать приоритеты. Кандидатами являются такие отрасли, как фармацевтика, высокотехнологичная химия, композитные и неметаллические материалы, авиационная промышленность, информационно-коммуникационные технологии, нанотехнологии. Разумеется, традиционными лидерами, где мы не потеряли технологических преимуществ, являются наша атомная промышленность и космос. Список не закрыт — все зависит от конъюнктуры мирового рынка и не в последнюю очередь от инициативы предпринимателей и работников самих отраслей.

Часто высказывается мнение, что России не нужна промышленная политика. Что, выбирая приоритеты и создавая преференции, государство часто ошибается, поддерживает неэффективных, мешает тому новому, что должно вырасти из равных условий конкуренции. С такими утверждениями трудно спорить, но они справедливы только при прочих равных условиях. Мы прошли через деиндустриализацию, структура экономики сильно деформирована. Крупный частный капитал добровольно не идет в новые отрасли — не хочет нести повышенные риски. Безусловно, мы будем использовать налоговые и таможенные стимулы, чтобы инвесторы направляли средства в инновационные отрасли. Но это может дать эффект через несколько лет — а может и не дать, если в мире откроются более привлекательные инвестиционные возможности. У капитала ведь нет границ. Готовы ли мы так сильно рисковать будущим России ради чистоты экономической теории?

Именно приоритетами промышленной политики были продиктованы наши действия по созданию крупных госкорпораций и вертикально интегрированных холдингов — от «Ростехнологий» и «Росатома» до Объединенной авиастроительной корпорации и Объединенной судостроительной корпорации. Цель была — остановить развал интеллектуальных отраслей нашей промышленности, сохранить научный и производственный потенциал за счет консолидации ресурсов и централизации управления. Эта цель может считаться достигнутой.

Мы должны были собрать формально принадлежавшие государству разрозненно управляемые активы, зачастую потерявшие связь с научными и конструкторскими центрами.

Итогом реализации стратегий отраслевых холдингов должно стать создание глобально конкурентоспособных корпораций, высококапитализированных, нащедших и расширяющих свое место на мировом рынке. Именно такие корпорации, сочетающие деятельность от перспективных исследований и разработки продукции до производства, поставки и обслуживания высокотехнологичного продукта, владеют сегодня мировым рынком авиастроения, судостроения, компьютерных технологий, фармацевтики, медицинской техники. Они же дают заказы малым инновационным компаниям, скупают удачные стартапы.

Пока большинство интегрированных структур не стали ни глобально конкурентоспособными, ни высококапитализированными, ни даже устойчиво прибыльными. Мы не собираемся бросать начатое на полдороге — кое-где, как в авиапроме, непростой процесс консолидации активов удалось завершить только сейчас. Но очевидно, что назрел аудит жизненности каждого такого проекта. Сегодня им необходим топменеджмент с высокими компетенциями в инновационном бизнесе.

Хотел бы подчеркнуть: усилия государства были направлены на восстановление возможностей России конкурировать в секторах, где на глобальном рынке всего несколько игроков. Ни о каком подавлении частной инициативы речь не шла — ее в этих секторах просто не было. Ошибочно на основании нашей работы по собиранию, реструктуризации и предпродажной подготовке активов делать выводы о разрастании госкапитализма.

По каждой компании у нас сегодня есть план по их реорганизации, выводу на рынок. Часть их будет превращена в публичные компании с последующей продажей пакетов акций. Это затронет «Ростехнологии», «Росавтодор», «Росатом» в его гражданской части и ряд других госкорпораций. Это работа не одного дня, но и тянуть ее до бесконечности мы не можем. Считаю возможным до 2016 г. снизить долю участия государства в некоторых сырьевых и завершить процесс выхода из капитала крупных несырьевых компаний, которые не относятся к естественным монополиям и оборонному комплексу.

Мы рассчитываем на активное участие российского капитала в приватизации и дальнейшем развитии высокотехнологичных активов. Одновременно надо искать покупателей среди глобальных инвесторов, которые готовы были бы не только вкладываться в научно-производственную базу, но и принести свои связи, свое место на крупных международных рынках.

Опыт успешной модернизации экономики таких стран, как Корея и Китай, показывает, что толчок от государства нужен, что его эффект перевешивает риск ошибиться. Без целенаправленных усилий диверсификацию осуществить будет сложно. Но, помимо все риски избирательности, мы должны сделать политику выбора приоритетов и государственной поддержки максимально прозрачной, открытой для оценки и дискуссий со стороны конкурирующих фирм и профессиональных сообществ.

Конкуренция, которая лежит в основе современной экономики, базируется на том, что корпорации — разработчицы и владелицы передовых технологий стремятся не допускать потребителей этих технологий к тому, что можно назвать технологическим ядром. А это не только опытные разработки — это и полный цикл обслуживания технологий. Мы это увидели на своем примере, когда в условиях кризиса наши российские компании пытались купить ряд активов за рубежом. Как только речь заходила о технологических комплексах полного цикла — пусть даже в автомобильной промышленности, — наши западные партнеры немедленно включали красный свет.

Продавая новейшие технологические разработки, фирма-поставщик, как правило, стремится оставить за собой все сколько-нибудь сложные элементы обслуживания оборудования и технологических процессов. Покупатель, таким образом, попадает не только в технологическую, но и в экономическую зависимость от поставщика. Если какая-то страна оказывается аутсайдером в передовых технологических решениях, она несет постоянные экономические потери. Даже если на ее территории расположены сборочные производства – львиная доля прибыли уходит туда, где расположены головные офисы, лаборатории и конструкторские бюро.

Поэтому развитые страны работают на принципах технологической кооперации. Их взаимная зависимость укрепляет экономическую и политическую стабильность.

Инновационный цикл российской экономики

Главным условием спроса экономики на инновации является обеспечение конкуренции. Только конкуренция заставляет частные предприятия искать лучшие технологические решения, обновлять продукцию. Вижу все вызовы для ряда наших отраслей со вступлением в ВТО. Хочу заверить: буду делать все, чтобы максимально смягчить трудности переходного периода. Но все производители промышленных товаров должны ясно понять: время национальных рынков прошло. Уютных ниш больше не будет. В высокотехнологичном производстве существует только один — глобальный – рынок.

Есть другая сторона медали — предложение инноваций. Российская экономика может не только покупать — она может порождать инновации. Наше место в будущем мире зависит от того, используем ли мы свои возможности.

Высокий уровень образования населения, огромное наследие фундаментальной науки, наличие инженерных школ, сохранившаяся во многих отраслях база опытного производства — мы обязаны задействовать все эти факторы.

За предыдущие годы мы серьезно вложились в институты, обеспечивающие коммерциализацию прикладных разработок. Работают «Роснано», Российская венчурная компания, государство проводит конкурсы на создание инновационной инфраструктуры вузов. Большое число западных фирм уже привлек проект «Сколково». Но мало научиться продавать — для устойчивого инновационного роста экономике нужно, чтобы в нее непрерывно поступали новые идеи, продукты фундаментальных разработок, наконец, просто креативные работники, готовые создавать технологии.

Восстановление инновационного характера нашей экономики надо начинать с университетов — и как центров фундаментальной науки, и как кадровой основы инновационного развития. Международная конкурентоспособность нашей высшей школы должна стать нашей национальной задачей. Мы должны иметь к 2020 г. несколько университетов мирового класса по всему спектру современных материальных и социальных технологий. Это значит, необходимо обеспечить устойчивое финансирование университетских научных коллективов и международный характер этих коллективов.

Российские исследовательские университеты должны получить ресурсы на научные разработки в размере 50% от своего финансирования по разделу «Образование» – как их международные конкуренты. Исхожу из того, что одновременно будем проводить продуманную и согласованную политику повышения и общественностью реструктуризацию всей отрасли профессионального образования.

Для Российской академии наук, ведущих исследовательских университетов и государственных научных центров должны быть утверждены действительно программы фундаментальных и поисковых исследований. Но такие программы надо будет защищать, а по ходу их исполнения регулярно отчитываться. Не перед чиновниками Минобрнауки — перед налогоплательщиками и научным сообществом – привлекая авторитетных международных специалистов. А в случае, когда речь идет об оборонных и других разработках, в которых непосредственно заинтересовано государство, — перед руководителями страны. Преимущественное развитие исследовательских университетов не должно привести пренебрежению ролью Российской академии наук и государственных научных центров. Наоборот, устойчивое развитие институтов РАН возможно только в условиях, когда они могут выбирать себе сильное пополнение.

Будет в несколько раз – до 25 млрд руб. в 2018 г. – увеличено финансирование государственных научных фондов, поддерживающих инициативные разработки научных коллективов. Размеры грантов должны быть сопоставимыми с тем, что предоставляют своим ученым на Западе.

Необходимо продолжать усилия, направленные на включение российских научных центров, университетов и предприятий в международные механизмы оформления и капитализации научных результатов.

Надо преодолеть инерцию крупного отечественного капитала, который, прямо скажем, отвык от инновационных проектов, от исследований и опытно-конструкторских работ. Сейчас 47 компаний с государственным участием приняли инновационные программы. Но и частные корпорации должны приучиться к тому, что 3–5% их валового дохода должно направляться в исследования и разработки. Необходимо разработать соответствующие налоговые инструменты, но главное – это понимание руководителями частного бизнеса, что без этого они просто не будут восприниматься на глобальном рынке в качестве равных участников.

Вторая сторона технологической модернизации — это максимально быстрое освоение импортируемых технологий. Есть уже несколько наглядных примеров импорта передовой технологической культуры. Мы имеем неплохой опыт промышленной сборки автомобилей – сегодня уже половина иномарок собрана руками российских рабочих, а наши потребители забыли и думать о разнице в качестве сборки здесь и там. Теперь дело — за локализацией и созданием здесь, в России, центров технологического развития. Большая часть бытовой техники известных фирм производится в России, крупнейшие фирмы-производители пищевой продукции продают у нас исключительно продукцию местного производства. Для нас важно, чтобы лидеры мирового технологического рынка перешли от первой стадии — восприятия России как интересного и емкого рынка — и второй стадии — инвестирования в локализацию производства — к третьей: стали бы здесь, в России, создавать новые технологии и новые продукты. Но они придут сюда только в том случае, если увидят конкурентоспособные на мировом уровне технические университеты и научные центры.

Инвестируя в конкурентоспособность передовых отраслей экономики, Россия решает и глобальную социальную задачу: развития креативного класса и формирования пространства для его реализации. Но есть огромные сектора, где наша технологическая и организационная культура застряла в прошлом веке. И не в последнюю очередь потому, что покупаем отдельные единицы оборудования, но забываем о производственной логистике, о контроле качества, а иногда и об элементарной технологической дисциплине. Самые крупные из таких секторов — это, конечно, строительство и транспорт.

Государство будет поддерживать крупные инфраструктурные проекты. В первую очередь по обеспечению транспортной связанности нашей страны, по обеспечению надежной связи с регионами Сибири и Дальнего Востока. Не менее важное направление — местная дорожная сеть. Сегодня мы имеем поистине парадоксальную ситуацию. В России с ее огромной территорией дефицитом являются участки для строительства. Причина — неразвитость инфраструктуры. Если в Европе, Америке, Японии и Корее вы можете построить дом или фабрику в любом месте за 50, даже за 80 километров от крупного города, то у нас уже за 20–30 километров начинаются неосвоенные участки — без дорог, газа, воды и электричества, где земля ничего не стоит, потому что ее просто нельзя использовать.

Освоение территории России надо начинать с земель вокруг крупных экономических центров. Расширение агломерационного радиуса наших городов в 1,5–2 раза увеличит доступную территорию в несколько раз. Это позволит полностью преодолеть ее дефицит, снизить стоимость жилых и производственных помещений на 20–30%. Это позволит значительно поднять и расширить пригородного сельского хозяйства, и качество жизни работников аграрного сектора.

Бизнес, прежде всего малый и средний, быстро реализует новые возможности, которые появятся с развитием инфраструктуры, в первую очередь дорожной сети. Но финансирование государственных научных фондов, поддерживающих инициативные разработки научных коллективов. Размеры грантов должны быть сопоставимыми с тем, что предоставляют своим ученым на Западе.

Необходимо продолжать усилия, направленные на включение российских научных центров, университетов и предприятий в международные механизмы оформления и капитализации научных результатов.

Надо преодолеть инерцию крупного отечественного капитала, который, прямо скажем, отвык от инновационных проектов, от исследований и опытно-конструкторских работ. Сейчас 47 компаний с государственным участием приняли инновационные программы. Но и частные корпорации должны приучиться к тому, что 3–5% их валового дохода должно направляться в исследования и разработки. Необходимо разработать соответствующие налоговые инструменты, но главное – это понимание руководителями частного бизнеса, что без этого они просто не будут

колебаний цен на продовольствие аграрная безопасность — способность страны самостоятельно себя прокормить – является не менее важным условием экономической и социальной стабильности, чем равновесный бюджет или надежная валюта. Во-вторых, и это опять-таки важно не только для России, аграрный сектор выступает важным элементом сохранения в экономике конкурентной среды, формирования малого и среднего бизнеса — «подлеска» здорового капитализма.

Где взять капитал?

Главный источник создания новых производств, новых рабочих мест — частные инвестиции. Здесь ситуация далека от радужной. Мы проигрываем странам-конкурентам по инвестиционной привлекательности. Мы имеем значительный отток капитала из России.

Да, во многом такая ситуация — следствие наших действий в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Борьба тогда шла между теми, кто присвоил в 1990-е основные денежные потоки (в основе которых была продажа сырья и энергоносителей), и теми, кто хотел вернуть их государству и использовать на благо всего общества. Считаю, что мы тогда поступили правильно, повысив влияние государства в сырьевых отраслях.

И не только потому, что кое-кто из олигархов пытался продолжать вправе по покупать политику. В самом начале моего первого президентского срока мы столкнулись с настойчивыми попытками продать за рубеж ключевые активы. Сохранение в частных руках нескольких человек стратегических ресурсов страны в перспективе 5–10 лет означало, что контроль за нашей экономикой будет осуществляться извне.

Речь ведь не о каком-то заговоре специально против России. Дело совсем в другом. Посмотрите, как ведет себя международный капитал в обстановке нестабильности, турбулентности, ощущения близкого кризиса: для спасения национального ядра своего бизнеса он не задумываясь выводит средства из развивающихся рынков — а Россия, по их представлению, к ним относится и тем более относилась в начале прошлого десятилетия.

Устойчивость нашего развития как страны обусловлена не только макроэкономическими показателями. Устойчивость страны базируется еще и на том, что основная масса людей, владеющих капиталом, принимающих инвестиционные решения, живет в этой стране, связывает с нею будущее своих детей, соотносит свои долгосрочные интересы с ее развитием.

Что надо сделать для решения проблемы капитала?

Первое — увеличить размер внутреннего спроса, что сделает его более привлекательным для прямых инвестиций. Здесь мы сегодня делаем все, что от нас зависит. Впервые после развала СССР мы перешли от деклараций, от заявления намерений — к реальной интеграции. За последние годы сформированы Таможенный союз, единое экономическое пространство, зона свободной торговли СНГ. Идет гармонизация технических регламентов. Россия последовательно пытается создать единый рынок со своими соседями. Рынок, где проникновение товаров и услуг не встречало бы никаких препятствий, не сталкивалось бы с неопределенностью условий. Разумеется, при этом мы учитываем интересы партнеров, идем на компромиссы, даже уступки. Но очень скоро эти уступки окупятся сторицей. Большой рынок ЕЭП повысит конкурентоспособность каждой из наших стран — мы исходим из этого.

Второе – деловой климат в стране, ее привлекательность для долгосрочного помещения капиталов все еще являются неудовлетворительными. За последние несколько лет по инициативе президента Медведева мы начали целый ряд реформ, направленных на улучшение делового климата. Но заметных сдвигов пока не произошло. Мы проигрываем в конкуренции юрисдикций — работающий в России бизнес часто предпочитает регистрировать собственность и сделки за границей. И дело не в налоговом режиме — он у нас в целом конкурентоспособный — и не в отсутствии законодательства, отвечающего современным требованиям (его надо, конечно, совершенствовать, оно еще недостаточно гибко и не предоставляет всего набора инструментов для бизнеса). Главная проблема — недостаток прозрачности и подконтрольности обществу в работе представителей государства, от таможенных и налоговых служб до судебной и правоохранительной системы. Если называть вещи своими именами, речь идет о системной коррупции. Издержки для бизнеса могут колебаться — ты можешь заплатить больше или меньше в зависимости от степени «расположения» к тебе определенных людей внутри государственного механизма. Рациональное поведение для предпринимателя в этом случае — не соблюдать закон, а найти покровителей, договориться. Но такой «договорившийся» бизнес, в свою очередь, будет пытаться подавлять конкурентов, расчищать себе место на рынке, используя возможности аффилированных чиновников налоговой, правоохранительной, судебной системы, вместо того чтобы повышать экономическую эффективность своих предприятий.

Расчистить поле для бизнеса, который готов побеждать в честной конкуренции, — это фундаментальная, системная задача. И решение здесь лежит не в плоскости экономической политики. Мы должны изменить само государство, исполнительную и судебную власть в России. Демонтировать обвинительную связку правоохранительных, следственных, прокурорских и судейских органов. Исключить из уголовного законодательства все рудименты советского правосознания, все зацепки, которые позволяют делать из хозяйственного спора уголовное дело на одного из участников. Все экономические дела должны перейти из судов общей юрисдикции в арбитражные суды. Надо вместе с экспертным сообществом, с судьями, с предпринимателями публично обсудить и внести до конца этого года все необходимые конкретные предложения на этот счет. Уверен: депутаты Государственной думы поддержат такие поправки.

Показателен пример соседнего Казахстана, с которым мы с 1 января этого года находимся в режиме единого экономического пространства. Сейчас эта страна в целом по условиям для бизнеса, согласно оценкам Всемирного банка, занимает 47-е место, тогда как Россия — 120-е. Предлагаю поставить задачу за несколько лет приблизиться к лучшим показателям сопоставимых с нами стран по всем показателям, определяющим комфортность ведения бизнеса.

Необходимо изменить всю идеологию государственного контроля за деятельностью бизнеса, резко ограничив эти функции. Новая стратегия должна основываться на презумпции добросовестности бизнеса — исходить из того, что создание условий для деятельности добросовестных предпринимателей важнее возможных рисков, связанных с недобросовестным поведением.

Третье — средства населения почти не работают на рынке капитала. Это означает, что население не получает своей доли дохода от экономического роста, от увеличения капитализации экономики. Нужны программы вовлечения в инвестиции средств населения — через пенсионные и доверительные фонды, фонды коллективного инвестирования. В странах с развитой рыночной экономикой это значительная часть национального капитала.

Надо сформировать такие условия, когда внутри частного сектора российской экономики возникнут длинные деньги в форме устойчиво растущих накоплений частных лиц, в том числе пенсионных.

Этого не добиться без устойчивого снижения инфляции. Рост цен бьет по доходам каждого человека и подрывает стимулы откладывать средства на будущее. Подчас нам советуют решать экономические проблемы безответственным печатанием денег или безоглядным наращиванием государственного долга. Но мы хорошо знаем: в этом случае недолгая иллюзия благополучия скоро сменится скачком цен. Наша страна проходила это в 1990-е гг.

Но снижение инфляции не создаст автоматически дополнительного капитала. Надо активно помогать формированию новых институтов.

Вводить государственные механизмы обеспечения сохранности и даже доходности накопительных пенсионных счетов. Надо испробовать новые формы – в частности, открывать накопительные пенсионные счета непосредственно в банках. Поддержка формирования длинных денег должна стать приоритетом на ближайшие 10–15 лет. Это долгий процесс, и не надо бояться, что он не даст немедленных эффектов. У нас есть главное условие его успешности: в России быстро растет средний класс, готовый вкладывать свои деньги в более качественное медицинское обслуживание, в лучшее жилье, в более высокие пенсии. Задача государства — чтобы его деньги не сгорели.

Специально для представителей оппозиции оговариваю. Все сказанное не означает, что мы в какой-то степени отступим от системы бесплатного образования и здравоохранения, перестанем повышать традиционные пенсии. Не отступим, будем поднимать качество услуг, которые гарантированы каждому гражданину нашей страны Конституцией. Этому будет посвящена отдельная статья.

Снижение доли государства в экономике

Искусство управления экономикой в современных условиях состоит прежде всего в точном определении необходимого соотношения между ролью государства и частной инициативой.

Мировой кризис добавил аргументов сторонникам государственного управления. Но мы понимаем, что Россия отличается от многих других стран еще достаточно большой долей государства в экономике и более серьезным вмешательством в регулирование, в то время как методы такого регулирования, наоборот, отстают от лучших аналогов. Наша экономическая политика должна корректироваться в сторону снижения масштабов государственного регулирования, замены регламентации на рыночные механизмы, административного контроля — на страхование ответственности.

Выше я уже говорил о наших планах приватизации ряда ключевых активов. Хочу при этом отметить, что приватизация носит не фискальный, а структурный характер. То есть мы продаем не только для того, чтобы получить дополнительные деньги в бюджет, а в первую очередь для того, чтобы повысить уровень конкуренции в экономике, расчистить поле для частной инициативы. Но продавать по дешевке, игнорируя конъюнктуру рынка, просто глупо. Ни один хозяин так не поступит.

В обществе много говорят о том, что приватизация 1990-х гг., включая залоговые аукционы, была нечестной. И я с этим полностью согласен. Но отъем собственности сейчас, как предлагают некоторые, привел бы просто к остановке экономики, параличу предприятий и всплеску безработицы. Кроме того, многие нынешние собственники этих активов формально являются добросовестными приобретателями. Они не нарушали принятых тогда законов. Многие из них модернизируют предприятия, вводят новые рабочие места, являются эффективными собственниками. Поведение их в период кризиса 2009—2010 гг. показало, что существенно выросла и социальная ответственность бизнеса.

Следует также сокращать присутствие крупнейших предприятий и банков с доминирующим участием государства, а также естественных монополий, включая «Газпром», в капитале других хозяйствующих субъектов, выделить из них непрофильные бизнесы, в том числе медиахолдинги.

Надо ограничить приобретение госкомпаниями новых активов в России. Китьи не должны мешать нормальному развитию частного бизнеса в своих секторах, оттирать частных предпринимателей от наиболее выгодных проектов.

Макроэкономические условия роста

Непременное условие формирования у нас нормального капитализма для каждого — это сохранение и упрочение макроэкономической стабильности. Она, пожалуй, является крупнейшим нашим достижением за последние годы. Мы научились ценить макроэкономическую стабильность и использовать инструменты ее сохранения в самых сложных условиях. Благодаря заблаговременно созданным резервным фондам мы относительно спокойно выдержали натиск первой волны мирового кризиса.

Для формирования длинных денег важна уверенность участников экономики в макроэкономической стабильности на годы вперед. Это предполагает, в частности, что бизнес понимает, как государством будут решены острые проблемы бюджетной политики, как будут обеспечены доходами уже принятые расходные решения, а также те, которые необходимы для задач обновления экономики.

Нами уже взяты немалые долгосрочные бюджетные обязательства. Прежде всего в социальной сфере, и мы их намерены неукоснительно соблюдать. Также значительные расходы предстоят в связи с модернизацией наших Вооруженных сил. Большие расходы потребуются для развития здравоохранения, образования, для строительства и ремонта дорог. Как мы сможем их обеспечить?

Первое. Эффективность расходов. Четкий выбор приоритетов, отказ от всего избыточного. Жесткий контроль за стоимостью и качеством строительства, ценами при госзакупках. А по сути — ликвидация откатов при использовании государственных денег как на федеральном, так и на региональном уровнях. Мы должны с этим справиться, и это позволит нам сэкономить, по оценкам, как минимум 5%, а возможно, и 10% бюджета — от 1 до 2% ВВП ежегодно.

В проекте закона о Федеральной контрактной системе предусмотрено обязательное предварительное публичное обсуждение формата государственной закупки и стартовой цены. Считаю необходимым, не дожидаясь введения в действие нового закона, применить такую процедуру ко всем крупным закупкам – допустим, превышающим 1 млрд руб. Давайте задействуем на пользу обществу частный интерес фирм-поставщиков. Пусть они вместе с журналистами, вместе с заинтересованными общественными организациями привыкают обсуждать, совершенно ли заказываемое техническое решение, кто, какие фирмы могут успешно выполнить такой проект, наконец, за какие минимальные деньги это можно сделать.

В бюджетной сфере требуется решительный отказ от инерции, когда мы продолжаем финансировать учреждения — вместо социальных услуг, которые они должны предоставлять. Везде, где это возможно, надо перейти на нормативно-подушевое финансирование, когда деньги закрепляются за гражданами, которые обращаются за услугами. Это еще 10—15% внутренней экономии, за счет которой мы, не изымая этих средств из социальных секторов, сможем повысить зарплаты учителям, врачам, профессорам университетов, обеспечить больных лекарствами.

Второе. Нужна сбалансированная пенсионная система, что снизит уровень трансфертов из бюджета в Пенсионный фонд.

Третье. Понадобится определенный налоговый маневр. Мы не будем увеличивать налоговую нагрузку на несырьевые сектора — это противоречит всей нашей политике диверсификации экономики. Но у нас есть резерв роста налоговых доходов по ряду направлений: дорогая недвижимость, потребление люксовых товаров, алкоголя, табака, сбор рентных платежей в тех секторах, где он пока занижен. Прежде всего – то, что называется дополнительным налогом на богатство, а точнее, на престижное потребление. Основные решения должны быть приняты уже в этом году, с тем чтобы со следующего года владельцы дорогих домов и машин платили повышенные ставки налогов. При этом важно не увлекаться, чтобы под эти меры не попали представители среднего класса.

Большой резерв — в наведении порядка с уходом от налогов через фирмы-однодневки, через офшоры. От этого добросовестный бизнес только выиграет, ему не придется конкурировать с теми, кто процветает на махинациях и обмане государства.

Наряду с этим нам необходимо раз и навсегда отказаться от соблазна подстраивать налоговую систему под растущие расходные обязательства. Такая политика усиливает неопределенность экономической среды для бизнеса, серьезно ухудшая тем самым инвестиционную привлекательность нашей экономики.

Задача номер один — восстановление долгосрочного соответствия между величиной государственных доходов и расходов. Связь между ними ослабла в период кризиса, когда значительные ресурсы выделялись на смягчение внешних шоков. Это произошло в большинстве стран, сильно затронутых кризисом. Однако именно негативный опыт стран Евросоюза и США ясно показывает, насколько опасно нарушение бюджетной сбалансированности и с экономической, и с социальной, и с политической точки зрения. В России проблема усложняется высокой зависимостью доходов государства от цен на нефть и газ.

Кроме того, мы должны очень аккуратно проводить бюджетные заимствования, постоянно помня несколько уроков из недавней мировой и российской экономической истории.

Во-первых, значительный долг – это всегда отказ от части независимости страны. Он создает ситуацию, когда любое ухудшение экономической конъюнктуры ставит страну в зависимость от инвесторов, международных организаций, стран-кредиторов, которые диктуют правительству, какие меры оно должно принимать. С этой точки зрения Россия сегодня находится в выгодном положении по сравнению с другими странами, имея, например, самый низкий уровень государственного долга среди всех стран «двадцатки». И мы должны сохранять это свое преимущество как залог макроэкономической безопасности.

Во-вторых, когда люди дают своему государству в долг — это всегда вычет из финансовых ресурсов, которые могли бы быть направлены на частные инвестиции. И если мы хотим наращивать их уровень, то не должны поддерживать значительный бюджетный дефицит.

* * *

Россия сегодня уступает развитым экономикам по производительности труда в три-четыре раза. А что это значит? В масштабах страны низкая производительность труда — это глобально неконкурентоспособная экономика. Для конкретного человека низкая производительность труда — это плохая работа, которая не может обеспечить хорошую зарплату. И дело не в том, как об этом говорят некоторые умники, что наши люди не умеют, не хотят работать или мало трудятся, — это не так. А в том, что они заняты на устаревших, неэффективных рабочих местах.

Новое поколение российских граждан — те, кто только начал работу, и те, кто еще учится, — имеет очень высокие ожидания, очень высокие требования к своей работе. Наша страна еще никогда не встречалась с таким образовательным и культурным вызовом. И это позитивный вызов — я глубоко убежден в этом.

Естественное, логичное решение проблемы низкой производительности труда — массовое создание высокопроизводительных – а потому высокооплачиваемых – рабочих мест для образованных и амбициозных людей. Как за счет модернизации существующих, так и за счет открытия новых производств. Как в традиционных, так и в принципиально новых секторах экономики.

Новая экономика России — это экономика диверсифицированная, где кроме современного топливно-энергетического комплекса будут развиты и другие конкурентоспособные сектора. Доля высокотехнологичных и интеллектуальных отраслей в ВВП должна к 2020 г. увеличиться в 1,5 раза. При этом высокотехнологичный экспорт России вырастет вдвое.

Это — эффективная экономика, с высокой производительностью труда и низкой энергоемкостью. Мы должны значительно сократить отставание от стран-лидеров. Это значит, что надо обеспечить рост производительности по экономике в два раза, а в ключевых секторах – выйти на уровень производительности сопоставимый или даже выше, чем у наших конкурентов. В противном случае у нас просто не будет надежды на успех в глобальной конкуренции.

Это — высокопроизводительные рабочие места с высокой оплатой. Средняя заработная плата по экономике вырастет в реальном выражении в 1,6—1,7 раза, почти до 40 000 руб. в ценах 2011 г. Номинально она, конечно, будет выше.

Это — экономика постоянно обновляющихся технологий. Доля предприятий, внедряющих технологические инновации, должна вырасти в два с половиной раза к концу десятилетия с нынешних 10,5 до 25%, то есть достигнуть сегодняшнего среднеевропейского уровня.

Это — экономика, где малый бизнес представляет не менее половины рабочих мест в экономике. При этом значительная часть малого бизнеса 2020 г. — это должны быть сектора интеллектуального и творческого труда, работающие в глобальном рынке, экспортирующие свои продукты и услуги.

За каждым макроэкономическим показателем, за каждым конкретным проектом мы должны видеть сколько новых рабочих мест это принесет России, как это изменит качество занятости, а значит, и качество жизни людей.

Обновленная экономика должна дать перспективу реализации каждому — и предпринимателям, и работникам бюджетной сферы, инженерам и квалифицированным рабочим. В этом — смысл социального измерения экономики, о котором я предлагаю поговорить в следующей статье.

«Ведомости», 30 января 2012 года